

18+

Натали Р.

ВРАГ МОЕГО ВРАГА.

"Райская звезда"

Натали Р.
Враг моего врага.
«Райская звезда»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63637167
SelfPub; 2021*

Аннотация

Экспедиционное судно Шшерского Рая «Райская звезда» выходит из светового прыжка к планете Нлакис. Но за 16 лет мир изменился. За декоративный камень, внезапно ставший стратегическим сырьем, идет война. Мирное судно встречают орудия кораблей, охраняющих нлакисское месторождение. Лишь немногим удается спастись благодаря неожиданному вмешательству старых врагов – землян...

Натали Р.

Враг моего врага.

"Райская звезда"

*Мы могли бы вести войну
Против тех, кто против нас,
Так как те, кто против тех, кто против нас,
Не справляются с ними без нас.*

Группа «Кино»

Полет в световом прыжке длится мгновение. Только что был снят предохранительный колпак с кнопки разгона, и большой палец вдавил зеленый диск, и вот уже компьютер докладывает, что борт вышел на режим торможения. Один миг – и вокруг совсем другие звезды. Покинутый Рай остался далеко, сто шестьдесят миллионов гигаметров назад, а на экранах горит зеленоватым пламенем чужое солнце, точно расплавленная древняя монета, и приближается сияющая все ярче красно-оранжевая искра. Необитаемая планета, носящая в звездном каталоге безликое название А46-2818-1, спектром которой вдруг заинтересовался Сегмент по природным ресурсам.

– Когда-то на этой планете была вода, – проговорил Шфлу Арранц, научный руководитель экспедиции. – Холодные

реки текли по безжизненным просторам, покрытым снегами, пронизывая синими потоками белые очертания континентов, – Шфлу был в душе поэтом, – и в пещерах, изрезавших берега, медленно росли странные кристаллы, искажающие луч света. Чудесные розовые, зеленые, желтые прозрачные камни, чистые, как слеза ребенка, и ледяные, как взгляд бездны. Они затмят драгоценности Рая, займут почетное место в архитектуре и украшениях, сделают нашу планету еще прекраснее...

Хорошенькая блондинка в форме младшего персонала замороженно слушала научного руководителя. Вряд ли что-то понимала, но звук голоса Шфлу Арранца ей нравился. Чарующие интонации, увлеченность, выразительный ритм речи – все это так и манило кетрейи. Вообще-то Эйсса Ихстл была из клана капитана корабля, но сейчас Шфлу Арранц полностью завладел ее вниманием.

– Эти камни ждут нас, – произнес он значительно. – Мы придем и разбудим их от многовекового сна, дабы употребить к славе Рая и всех его обитателей.

– Выводы Сегмента могут и не подтвердиться, – заметил Ччайкар Ихстл, наконец отвлекшись от мониторов. Капитан проанализировал обработанные данные и выбрал схему выхода на нужную эллиптическую орбиту, остальное сделает управляющий компьютер. – Сколько раз случалось так, что экспедиции возвращались ни с чем? Я сам в паре таких участвовал. То, что на планете *может* быть месторождение,

не означает, что оно там непременно есть.

– Не в этот раз, – отмел возражения Шфлу Арранц. – Я чувствую россыпи траинита на этом оранжевом шаре. Он не просто есть, его там много, и мы это докажем.

Научный руководитель был твердо намерен вернуться на родину с триумфом. Что ж, так и должно быть. Капитан кивнул, вполглаза контролируя коррекцию курса. Зашумел один из твердотопливных ускорителей по правому борту. Красно-оранжевая искра, разросшаяся в пятнышко, сместилась на мониторе вправо. В пределах звездных систем прямых путей не бывает, все орбиты кривые. Если видишь что-то прямо по носу, то никогда туда не попадешь. Прямой курс – только для светового прыжка.

Эйза очнулась от сладкого транса, когда Шфлу замолчал. Вспомнив о своих обязанностях, налила две чашки горячего реттихи, подала присутствующим. Эйза была вполне адекватной и исполнительной девушкой, когда не увлекалась.

– Спасибо, милая, – благодарно улыбнулся Ччайкар. Шфлу погладил ее по руке.

Взгляды троих устремились на экран, к красно-оранжевой планете. Каждый думал о своем. Капитан, флегматично перебирая седую косу с особым, четверным плетением – о том, что все системы работают нормально, и через полтора стандартных дня «Райская звезда» достигнет цели. Научный руководитель – о новой эпохе, которая наступит, когда Рай начнет разрабатывать, применять и продавать траинит;

этот порывистый мечтатель с копной вьющихся черных волос, вечно пребывающей в беспорядке, был неспособен рассуждать о прибыли, привлечении туристов и политических бонусах – лишь о новой эпохе, не меньше. Шфлу был молод, и Ччайкар не мешал ему наслаждаться мечтами о «светлом будущем», которое наступит, когда седой капитан, чьи мечты в прошлом, уже перейдет на иной план бытия. О чем думала миловидная кетрейи, молочно-белая коса которой в точности повторяла плетение Ччайкара, а губы сами собой складывались в улыбку? Вряд ли о новой эпохе и уж точно не о корабельных системах. Может быть, о терпком вкусе реттихи, а может, о горящих глазах Шфлу, но, возможно, о жестких руках Ччайкара или о запахе цветов ттеи, который разносился по рубке системой кондиционирования. Мысли кетрейи похожи на память об ощущениях, они конкретны и почти осязаемы – это известно большинству шитанн из книг. Но вот про что они, гадал Шфлу? Ччайкар наверняка знал, что творится в голове у малышки Эйззы, ведь она выросла у него на глазах, только спрашивать бесполезно. С представителем чужого клана не всем уместно делиться.

Шфлу Арранц был прав в своем предположении, переходящем в уверенность, что на планете есть траинит. Любой из тех, кто ныне жил в постаревшей на шестнадцать лет Галактике, подтвердил бы: траинитные залежи на объекте, что до недавних пор звался А46-2818-1, огромны. Но за шестнадцать лет, проведенных командой и пассажирами корабля в

прыжке, многое изменилось. Очень многое.

Огромный черный экран, заменяющий стену центрального отсека, сиял звездами. Красно-оранжевый диск планеты, пока еще маленький, притягивал взоры присутствующих, расположившихся в мягких креслах со светлой обивкой у овального стола. Сидящие здесь люди различались цветом кожи и клановыми фасонами причесок, но все как один были черноволосы, редко кто с сединой, и все одеты в форменные сайртаки космического флота Рая с разнообразными нашивками. То и дело кто-нибудь вставал и начинал говорить, жестикулируя небольшим пультом, тогда на противоположной стене сменяли друг друга диаграммы, таблицы, схемы, графики. Меднокожая девушка с золотистыми косичками в форме младшего персонала разносила напитки.

Капитан выслушивал доклады помощников и начальников служб. Рутина, которой не избежать. Ччайкар Ихстл за долгий срок на своем посту успел выучить все возможные доклады наизусть, но регламент есть регламент. Он прислушивался одним ухом к рапортам храбрых молодцов, один из которых скоро займет его место, и часть мозга фиксировала их почти в автоматическом режиме. А другая часть наслаждалась реттихи с ароматом ттеи, поднесенным полужнакомой блондиночкой, и строила планы на заслуженный отдых. Ччайкар хотел бы провести остаток жизни в путешествиях. Почему бы нет, если ветеран космофлота имеет право на

бесплатное пассажирское место на любом корабле? Вопрос лишь в маршруте. Ближайший мир, всего четыре с третью световых года, можно слетать, вернуться обратно и застать в живых друзей и подруг – Земля. Но добропорядочному шитанн в этом оплоте сумасшедших агрессивных ксенофобов делать нечего, тем более белокожему сумеречнику, персонажу страшных земных сказок и злых анекдотов. Что ж, придется планировать маршрут без возвращения. Эас, Дуурдухан, негласный центр Содружества Планет – Хант... Ччайкару доводилось водить корабли к Ханту, но ему всего пару раз удалось выйти за пределы космопорта и посмотреть ближайший город. Хантские города оставили у молодого тогда еще Ччайкара восторженные впечатления, но на полноценную туристическую поездку это никак не тянуло.

Капитан ласково приобнял кетрейи из чужого клана с множеством тонких светло-желтых косичек на голове, намереваясь попросить еще реттихи, как вдруг что-то в докладе третьего помощника, руководителя службы наблюдения резнуло слух.

– Повторите, – потребовал Ччайкар.

– Замечены объекты искусственного происхождения впереди по правому борту, – с готовностью отрапортовал шитанн средних лет с тонким пучком волос на макушке посреди бритой головы.

Впереди по правому борту, отметил капитан, это как раз в той стороне, где планета. Он взгляделся в экран и ничего не

увидел. Переверел взгляд на противоположную стену, на компьютерное изображение, предоставленное третьим помощником – там невдалеке от диска планеты мерцали две красные точки.

– Они не излучают и не отражают в видимом и инфракрасном диапазоне, – пояснил третий помощник, – поэтому экран обзора ничего не дает. И это значит, что они маскируются, капитан. Мы обнаружили эти объекты по гамма-излучению двигателей. Не знаю, сколько их там еще с неактивными двигателями, но те два, которых мы видим, включили двигатели тринадцать... – он быстро посмотрел на часы в углу проекционного окна, – четырнадцать минут назад и перемещаются, судя по доплеровскому сдвигу, по направлению к нам.

Ччайкар потер внезапно заболевшие виски.

– Что они такое? Можете сказать точнее?

– Космические корабли. Чьи – мы не знаем. Тип не идентифицируется, – руководитель службы наблюдения опустил взгляд. – За шестнадцать лет могли появиться совсем новые типы, капитан.

Ему ли не знать! Сколько раз, возвращаясь из дальних полетов, он не узнавал родную планету. Рождались и умирали новые люди, его собственные дети – две дочери – давно перешли на иной план бытия, последний раз его провожал в экспедицию праправнук. Одежда выходила из моды, носители информации безнадежно устаревали, менялся ди-

зайн зданий, появлялись технические новинки, предназначение которых с ходу постичь не удавалось. Но это было там, в Раю, где бурлит жизнь. А здесь...

– Откуда *здесь* новые типы кораблей? – задал Ччайкар риторический вопрос. – Данный сектор Галактики не заселен.

– Может, земляне? – третий помощник скорчил гримасу, как бы извиняясь за неприятное упоминание.

Старший помощник покачал головой – уже понял. Цхтам Шшер был умен и опытен.

– До нас отсюда шестнадцать лет, до Земли – все семнадцать. Они не опередили бы нас.

– А если они послали свои корабли раньше? Втайне, чтобы никто не знал.

От землян всего допустимо ожидать. Только не принципиально невозможного.

– Если бы эти корабли покинули любую из планет Созвездия раньше, – веско произнес капитан, – их тип был бы известен нашей системе опознавания. Вам так не кажется?

Меж собравшимися повисло молчание. Ччайкар отодвинул чашку с реттихи. Пить расхотелось.

– Попытайтесь выйти на связь, – приказал он второму помощнику. – В широком диапазоне радиочастот. Надо узнать, кто они и зачем идут нам навстречу.

Он поднялся, отряхнул с брюк несуществующую пыль.

– Я буду в рубке, у пульта управления.

Кому бы ни принадлежали эти корабли, ясно, как небо на

дневной стороне Рая: друг не станет маскировать естественное излучение. Конечно, ситуации бывают разные, и мало ли зачем могло понадобиться прятаться, но... Виски ломило. За свою жизнь Ччайкар научился различать сигналы, подаваемые подсознанием через тело. Он не стремился нейтрализовать, успокоить эту боль, как учили в детстве – может, потому рано постарел. Он знал, что она означает. Предчувствие беды, не единожды спасавшее ему жизнь.

Вопрос в том, как этой беды избежать. Вариант с гарантией: развернуться и уйти в новый световой прыжок, пока фотонный разгонник не остыл. То, что находится в световых годах от тебя, уже не беда. Но единственный прыжок, расчеты для которого готовы – обратно к Раю. Чтобы экспедиция вернулась назад, потратив кучу средств и ничего не достигнув, просто потому, что капитана испугали чужие корабли? Что скажут на родине, когда спустя тридцать два года он привезет вместо траинита невнятные рассказы о неизвестных кораблях? Об этом даже подумать стыдно.

Ччайкар вызвал старпома.

– Рассчитайте прыжок на одну десятую светового года.

– В каком направлении? – осведомился шитанн с двумя хвостами черных волос по бокам головы.

– В любом.

Входить в прыжок без расчета смерти подобно. Непонятно, куда занесет, а самое главное – как потом выбираться из точки с неизвестными координатами. Однако и рассчитан-

ный прыжок – не панацея. Да, можно уйти, переждать, но рано или поздно придется возвращаться и пробовать снова. А вдруг чужие корабли никуда не денутся? Много раз этот финт повторять нельзя: запас топлива, мягко говоря, не бесконечен.

Наверное, самое разумное – остаться здесь, в окрестности А46-2818-1, и попытаться выяснить, что нужно чужим кораблям. Их видимая враждебность может диктоваться страхом: незнакомцы не знают, чего ожидать от корабля шитанн, вот и маскируются, чтобы не привлекать к себе внимания. А если чужаки действительно таят недобрые намерения – например, хотят захватить «Райскую звезду», – то, возможно, следует дать им знать, что на борту нет никаких ценностей, кроме научного и горного оборудования. Если же это их не остановит, можно попробовать уйти к планете и сесть, затеряться в складках рельефа... Это, разумеется, хороший вариант лишь в том случае, если их база не там. Но, как бы то ни было, чтобы что-то решать, надо дождаться ответа.

Прошел час. Ответа не было.

Ен Пиран, адмирал ГС-эскадры космических сил Гьде, получил известие о появлении на экранах нового объекта, сидя в туалете. Сообщение пришло на переговорник и отвлекло адмирала от вдумчивого удаления из организма отходов жизнедеятельности. В связи с чем он тут же проникся к данному объекту иррациональной неприязнью. Кое-как,

уже без всякого вдохновения завершив процесс, Ен Пиран посетил кабинку гигиены и вернулся на командный мостик, где потребовал у подчиненных разъяснений.

– Что за погрязший во грехе кусок дерьма сюда прется? – сурово спросил он у почтительно замерших адъютантов.

Адмирал был грозен ликом и громок голосом, вдобавок мстителен, злопамятен и капризен. Тем не менее желающие служить под его началом не переводились. Адмирал имел устойчивую репутацию удачливой сволочи и оправдывал ее с завидной регулярностью. Правительство ценило адмирала. Не настолько, чтобы терпеть его нрав при дворе, но в самый раз для того, чтобы доверить ему отстаивать интересы родной планеты где-нибудь подальше от дома. Нлакис подходил для этого идеально. Стратегически важная планета, расположенная в секторе Галактики, весьма удаленном от Гьде. Гьде первая заявила свои права на Нлакис и начала добычу траинита, а теперь все, кому не лень, тянут руки к этой золотой жиле. А адмирал Ен Пиран со своей эскадрой чужие жадные руки успешно отрывает. Вот и хорошо: он на своем месте.

– Я спрашиваю! – прорычал Ен Пиран, потрясая переговорником. – Что за летающая фекалия болтается в секторе 31?

– С вашего позволения, господин адмирал, – откликнулся тощий, в противовес начальнику, старший адъютант Ихер Сим, – наблюдатели докладывают, что тип объекта опознан.

Это старый экспедиционный корабль на фотонной тяге, модификация Шшерского Рая.

Адмирал изрыгнул проклятие, адресованное всем жителям пресловутого Шшерского Рая. Если бы пожелания адмирала имели свойство сбываться, планету погрязших во грехе кровохлёбов немедленно затопил бы океан, состоящий из поноса, мочи и рвотных масс.

– Двух перехватчиков им навстречу! – распорядился адмирал, сбросив пар. – Уйдут в прыжок – туда уродам и дорога. А если не уйдут – сбить этот сортир тотчас по выходу на дистанцию уверенного огня.

Адъютант кашлянул.

– С вашего позволения, господин адмирал... Вряд ли этот старый корабль представляет опасность для Нлакиса. Может быть, стоит захватить его и допросить шитанн...

– Вы – обосравшийся идиот, – гневно и непосредственно высказал Ен Пиран побагровевшему подчиненному. – Для Нлакиса представляет опасность разве что хорошо рассчитанная серия аннигиляционных ударов. Для наших рабочих на Нлакисе – вражеская эскадра, превосходящая мою по всем параметрам. Но не это шшерское дерьмо! Уничтожить его следует не потому, что оно якобы опасно. А потому, что я! так! приказал!!!

– Будет сделано, господин адмирал, – адъютант вжал голову в плечи.

Ен Пиран самодовольно фыркнул и снизошел:

– Греховодники шитанн – наши враги, Сим. Чем больше мы нанесем им ущерба в живой силе и технике, тем лучше для Гъде. Во имя чего мы живем?

– Во имя благополучия и процветания Гъде! – дружно ответил многоголосый хор.

– То-то же, – ухмыльнулся адмирал и посмотрел на ненужную точку, медленно движущуюся по экрану, уже без прежней ярости – просто с обычной злобой.

Неприятно засвербело возле сердца, и Ччайкар Ихстл совершил одно из, казалось бы, немотивированных действий: включил один из левых ускорителей, уходя с расчетного курса. И в тот же момент яркий луч боевого лазера ударил туда, где должен был находиться корабль.

Дальше события понеслись с нарастающей скоростью. «Райская звезда» снова вильнула, повинувшись капитану, и новый выстрел снес лишь часть бокового грузового отсека, вместо того чтобы угодить в главный двигатель.

– Прыжок рассчитал? – коротко осведомился Ччайкар у первого помощника. – Подготовить фотонный разгонник!

Уйти от обстрела, выиграть время... К сожалению, надо ждать: двигатель успел остыть. Чужие корабли пытаются зайти с двух сторон, взять в клещи. Драться невозможно: мирный экспедиционный корабль не несет вооружения. Остается только маневрировать. Гравикомпенсаторы не помогают: пол меняется местами с потолком, экран рябит от слепящих

вспышек, корабль вибрирует. Что чувствуют пассажиры, если не сообразили пристегнуться, лучше не представлять.

– На главном – пятнадцать процентов мощности...

Мало. Пол проваливается под ногами, когда «Райская звезда» уходит из прицелов чужаков. Взрываются до визга твердотопливные ускорители.

Удар, корабль трясет, ослепительное белое пламя заливает левый борт, шлейф белого дыма вьется за кораблем. Обнуляются на контрольной панели показатели трех из восьми ускорителей, вспыхивают три красные лампы.

– Три ускорителя левого борта потеряны, – бесстрастно сообщает система.

– Тридцать процентов мощности на главном, – докладывает Цхтам Шшер.

Мало, катастрофически мало. Надо продолжать уклонение, но корабль сдал в маневренности, правые повороты исключены. Новый удар сотрясает корпус.

– Приготовиться к эвакуации, – Чайкар включил громкую связь, а рука шарит в районе сердца: боль стала нестерпимой. – Всем занять места в спасательных капсулах.

– Сорок процентов мощности.

Не дотянуть. «Райская звезда» мечется обреченным мотыльком, стараясь выиграть время, дать капсулам покинуть борт. Чужаки подтянулись ближе, обстреливают наглее.

– Кормовой ускоритель потерян.

Экспедиция Рая к А46-2818-1 провалилась. Провалилась

не по вине организаторов, капитана или научного руководителя, не в силу естественных непреодолимых причин.

– Узнайте, кто это, – обратился Ччайкар по громкой связи к тем, кто мог его слышать. – Узнайте и сообщите на родину. Пусть их настигнет месть!

«Райская звезда» содрогнулась от прямого попадания, чудовищно загрохотало. Зашипел герметик, автоматически заполняя трещины, но герметик не всемогущ. На экране было видно, как левый модуль в дыму и пламени отваливается от корабля и уходит в самостоятельный, неуправляемый полет, как из рваных дыр вырывается, замерзая в белую пыль, воздух, увлекая за собой беспомощных людей – уже мертвых или умирающих прямо сейчас. Половина ламп на пульте – красные. Компьютер пытается что-то сообщить, но голосовой блок поврежден, монитор треснул. Ччайкар бросил взгляд на бумажный барабан, куда распечатывался корабельный журнал. «Потерян левый модуль. Выход из строя системы навигации. Физическое повреждение сервера. Рекомендуется подключение резервного сервера и переустановка системы».

Ччайкар хрипло рассмеялся. Резервный сервер находился в левом модуле.

Еще один удар. Резко запахло паленой проводкой, сверху посыпались искры.

– Все спасательные капсулы ушли?

– Если не ушли, – сипит первый помощник, прижимая к

затылку содранную кожу, – то вряд ли уйдут уже. Корабль мертв.

– Не совсем, – процедил сквозь зубы капитан. – Проверка связи с главным двигателем!

Компьютер ответил с запозданием. То ли сказывалось повреждение сервера, то ли печатный вывод информации. «Цепи управления главным двигателем не нарушены. Мощность шестьдесят три процента».

– Малая коррекция рассчитанного прыжка, – отрывисто приказал Ччайкар.

«Операцию произвести невозможно. Расчет прыжка утерян».

Что ж, не судьба.

– Малая коррекция прыжка к Шшерскому Раю.

«Операцию произвести невозможно. Часть памяти необратимо утрачена».

Он снова засмеялся. И вдруг понял, что больше не придерживает сердце, и виски перестали ныть. Он сделал все, что мог, и не его вина, что смог он не так уж много.

«Райская звезда» горела. Работали огнетушители, но огонь вот-вот доберется до хранилищ твердого топлива. Это горючему для фотонного разгонника ничего не страшно: чтобы его запалить, нужна температура ядерного взрыва. А твердое топливо для ускорителей загорится на раз и разнесет остатки корабля в клочья.

Ччайкар пошарил в выдвижном ящике, достал отвертку

и быстро вывернул все четыре болта с блокиратора пронзительно-оранжевой кнопки. Третий контур безопасности, «защита от дурака». За всю свою жизнь он ни разу такого не делал, но рука старого капитана не дрожала. Он вдавил кнопку. Теперь система выполнит любой приказ, даже самый нелогичный, не переспрашивая.

– Подать все резервы твердого топлива на оставшиеся ускорители. Отключить нормираторы.

Сейчас ускорители подавятся избытком реагентов, и их разорвет, но совсем немного времени еще есть. Один из чужаков по носу, второй справа – Ччайкар специально развернул корабль именно таким образом.

– Поднять температуру на всех ускорителях до точки поджига. Отстрелить все ускорители.

Щелкнули пиропатроны, и четыре новых объекта отделились от корабля, быстро двигаясь: один – вперед и три – вправо. Несмотря на то, что они удалялись, их яркость постепенно нарастала.

– Что на фотонном разгоннике?

«Мощность – сто процентов».

– Цхтам, – он назвал первого помощника по имени, – ты играл когда-нибудь в «слепой шаг»?

– Кто же не играл в детстве? – тот скривился от боли.

Капитан улыбнулся.

– Приказываю: войти в световой прыжок, направление – прямо по курсу, дальность – одна десятая светового года.

Он откинул защитный колпак и решительно нажал зеленую кнопку разгона.

В Раю всегда заботятся о комфорте людей, однако экспедиционный корабль есть экспедиционный корабль. У каждого имеется отдельная каюта, светлая, уютно и разумно обустроенная, но – очень маленькая. Большую часть ее площади занимает кровать. Немаловажный, между прочим, предмет мебели. Кровать используется в тринадцати удовольствиях, как то: сон обычный, сон гипнотический, медитация, гимнастика, чтение, восприятие музыки, массаж... Ну и, разумеется...

Эйза лежала сверху: сбоку было не поместиться. Шфлу Арранц находился под ней и немного внутри. Белая коса и черные кудри мужчины перепутались между собой, ритм дыхания слился воедино.

– Ты благоуханный цветок, – выдохнул Шфлу, – луч света в сумеречном небе...

Эйза, млея от восторга, закрыла глаза. Хирра Шфлу говорил так красиво, что она даже не пыталась понять. Не то что хирра Чайкар, всегда изъясняющийся конкретно: ложись, подставь горло, спасибо, хорошая девочка... Конечно, она из клана Ихстл, но никто не запрещает кетрейи дарить себя выходцам из других кланов.

– Отрада моего сердца, – Шфлу прижал ее к себе еще крепче и жарко задышал в ухо, – ты позволишь мне припасть

к твоему живительному источнику?

Слова звучали странной музыкой. Девушка уплывала, наслаждаясь ею не меньше, чем страстными движениями мужчины.

– Эйзза?

Она полуоткрыла затуманенные глаза и растерянно улыбнулась:

– Что вы сказали?

Шфлу не стал повторять. Молча, с нежной настойчивостью потянулся к ее горлу, и она поняла жест лучше слов. Откинула назад мешающие волосы, задрала вверх милое личико, обнажая пульсирующую жилку на шее. Сквозь сладкую негу от глубокого поцелуя укол острого тонкого клыка, вонзившегося в вену, почти не ощущался. Когда-то давно, в детстве, Эйзза боялась: она не раз колола руки иголкой и ждала, что будет так же больно, а взрослые смеялись над ней. Конечно, они были правы: это совсем другое. Шитанн ласкали тех, кто дарил им кровь, благодарили и баловали. Ни одна противная иголка так не поступала.

Девушка содрогнулась и закричала, не в силах больше сдерживать удовольствие. В тот же миг губы Шфлу выпустили ее шею, он откинулся на подушки, пытаясь отдышаться. Затем медленно облизнулся, контролируя, что ни одна капля не пропала зря.

– Восхитительный вкус, – промолвил он, поглаживая обмякшую в его объятиях Эйззу. – В твоей крови поет моло-

дось, чистота и здоровье. Признаюсь: я переступил предел, взяв больше, чем следовало. Я весь в твоих руках, моя светлая заря. Будешь жаловаться капитану?

– Что? – сонно откликнулась она. – Жаловаться? Но мне было хорошо с вами.

– Вот и славно, – улыбнулся Шфлу и хотел что-то добавить, но в этот момент неожиданное ускорение сбросило любовников с кровати.

Эйза пискнула, больно ударившись локтем. Шфлу, которого с размаху приложило лбом об угол, выругался.

– Что за сотня червей могильных?

– Наш корабль совершает непредусмотренные маневры, – раздался из динамиков голос одного из капитанских помощников. – Просьба к пассажирам – зафиксироваться и соблюдать спокойствие.

«Райскую звезду» снова мотнуло, теперь в противоположную сторону. Только что поднявшаяся с пола Эйза повалилась на кровать.

– Я – в рубку, – Шфлу, на всякий случай придерживаясь за поручень, кое-как натянул одежду. Не являясь членом экипажа, он должен был пристегнуться и ждать, но решил, что пост научного руководителя дает ему право нарушить это распоряжение. – Надо выяснить, что происходит. А ты, милая, оставайся здесь и привяжись к чему-нибудь ремнем.

Открывая дверь, он поймал жалобный взгляд Эйззы. Она прижимала к груди скомканную герру с ткаными рукавами.

– Хирра Шфлу, а можно я с вами? – пролепетала она. – Я боюсь одна. Очень-очень.

Гроыхнуло, корабль дернулся, будто в конвульсиях. Из коридора донеслись крики. Эйза ойкнула и посмотрела еще жалобнее.

После секундного колебания Шфлу протянул ей руку:

– Герру не забудь надеть.

Корабль словно перевернулся вверх ногами. Шфлу, цепляясь ногтями за что попало, а другой рукой крепко держа Эйзу, заскользил к потолку. Желудок сделал попытку взбрыкнуть, но научный руководитель экспедиции подавил приступ тошноты. Не хватало, чтобы его вырвало прямо на девушку!

Пол снова стал полом, нога при падении подвернулась. Шфлу ухватил за рукав третьего помощника, который куда-то пробирался по трясущемуся, словно в припадке, коридору:

– Что случилось?

– Нас обстреливают, – начальник отдела наблюдения выдрал свой рукав. – Идите в каюту, пристегнитесь и наденьте комплект индивидуальной защиты.

Коридор заволокло дымом. Шфлу потянулся к противогазу. Эйза уже надевала маску: сообразительная девочка, хоть и кетрейи. Противогаз выглядел ужасно на ее очаровательной головке, но время думать об эстетике кончилось.

Скрежет, лязг; пол и стены словно озверели, кидают мяг-

кие людские тела из стороны в сторону.

– Приготовиться к эвакуации, – голос капитана из динамиков.

Коридор начал наполняться людьми, покинувшими каюты и спешащими к спасательным капсулам. Кто-то кашлял, забыв надеть маску, кто-то потерял в дыму дорогу. Шфлу двигался на ощупь, ведя рукой по стене. Из-за дымной завесы вдруг возникла перепуганная меднокожая девчонка, в глазах – слезы, она наткнулась на Шфлу и, будто не заметив, снова исчезла в пелене. Похоже, она двигалась не в ту сторону. Шфлу пожалел, что не задержал ее.

В левом ангаре со спасательными капсулами творилось неведь что. Горела изоляция, шипели огнетушители, изрыгая белый порошок, клубы которого носились в воздухе. Трое шитанн из службы безопасности «Райской звезды» пытались упорядочить посадку, направляя людей к нужным капсулам. Одна уже покинула корабль.

– Сюда! – Шфлу указали на крайнюю капсулу, и он побежал туда, увлекая за собой еле перебирающую ногами Эйззу. Что же она едва шевелится? Он вспомнил, что девушка потеряла много крови, и раздражение пропало. Он подхватил ее на руки и тут же, споткнувшись, полетел на пол. Это не неловкость, это новый удар. Что-то ревело, грохотало, визжало... Шфлу кое-как встал на четвереньки, нашарил рядом Эйззу, поволок, уже не пытаясь поднять. Сто червей могильных, это не Эйзза! Он вдруг обнаружил, что тащит мертвое

тело светловолосого паренька. Стекла противогаза запотели, но снять маску он не решился. Оставил еще теплого юношу, ползком вернулся.

– Эйза!

Шум не давал ни единого шанса услышать его зов. Но вот кто-то зашевелился, мелькнула растрепанная белая коса. Она! Шфлу сгреб ее в охапку, пополз по пляшущему полу к капсуле.

Чей-то плач перекрыл скрежет и грохот. Шфлу оглянулся. Несколько молодых мужчин кетрейи пытались достать стриженую «ежиком» блондинку из-под упавшего и придавившего ее погрузчика. Шфлу невольно зарычал, уши плотнее прижались к голове. Встав во весь рост, он шагнул к расступившимся перед ним парням, ухватился за балку погрузчика, с ревом оторвал и отбросил прочь неподъемную стальную махину. Парни благодарно засуетились вокруг освобожденной девушки.

– За мной, – приказал он.

Что-то пролетело по ангару, ударило его в спину, но он даже не обернулся. Священное безумие сжигает много энергии, но дает силу и нечувствительность. Один из парней, задетый тем же осколком, упал и уже не поднялся. Остальные добрались вслед за Шфлу до капсулы.

– Пристегивайтесь все, – хрипя, выдавил он, сорвав маску и плюхнувшись в кресло за пультом. – И девушек привяжите.

Спасательные капсулы просты в управлении, рассчитанном не на обученного пилота, а на любого грамотного шитанн. Все рычаги и кнопки пронумерованы и подписаны, садись да нажимай по порядку.

Корабль дрогнул и разорвался надвое, словно горбушка хлеба. Капсулу качнуло, и Шфлу увидел совсем рядом бездну открытого космоса, в которую сметало все, что находилось в ангаре – капсулы, технику, людей... Ужаснее всего было с людьми. Мимо иллюминатора проплыл мгновенно замороженный шитанн с лицом, навечно искаженным в крике, и Шфлу замутило. Он согнулся в кресле; сил хватило лишь на то, чтобы отвернуть голову от пульта. Кетрейи смотрели сочувственно. Сами они желудком не страдали, эта раса менее впечатлительна, но и не думали смеяться над шитанн с утонченной психикой и не в меру развитым воображением. Один из парней вздохнул, провожая взглядом труп в иллюминаторе, другой свинтил крышку со своей фляги и протянул Шфлу.

Научный руководитель бывшей экспедиции утерся, отхлебнул несколько глотков воды. В голове слегка прояснилось, и он, пристегнувшись к креслу, нажал кнопку номер один, потом – номер два... Зашелестел слабенький реактивный двигатель, и капсула, постепенно ускоряясь, полетела прочь от гбнущей «Звезды».

Силуэт корабля утратил правильность. Он был растерзан, обрамлен дымом и вытекающим мерзлым воздухом. Над

центральными отсеками дрожало плазменное зарево – что-то там коротило или так горело, что уже не потушить. Во все стороны от умирающего гиганта разбегались уцелевшие спасательные капсулы.

А совсем недалеко – какие-нибудь километры – зависли два неизвестных корабля. Серая броня, грозные лазерные порты, жерла ионных пушек, сопла непривычной формы. Выключили режим невидимости, словно издеваясь. Чего они ждут? Шфлу внезапно понял: хотят насладиться чужой гибелью. Смертельно ранили «Райскую звезду» и теперь с интересом наблюдают, как она сдохнет.

Жив ли Ччайкар Ихстл? Не успел Шфлу об этом подумать, как стало ясно: жив. Корпуса ускорителей, зияющие соплами, вдруг раскалились и отлетели от корабля, стремительно уносясь прочь. И в ту же минуту озарился пронзительно-зеленым светом отсек главного двигателя. Когда Шфлу проморгался, «Звезды» уже не было. Научный руководитель был поэтом, но не сказочником, и хорошо понимал: скорее всего, искалеченный корабль не выйдет из светового прыжка. Прощай, Ччайкар; жаль, знакомство было недолгим. Так и не дождался ты заслуженного отдыха...

– Ничего себе, – протянул кто-то из кетрейи.

Шфлу перехватил взгляд парня, направленный в противоположную сторону. И впрямь, было на что посмотреть. Ускоритель, отстреленный кораблем, словно ракета, врезался в чужака и взорвался. Враг скрылся за растекающейся кляк-

сой белого пламени. И тут же второй вражеский корабль засуетился, включил двигатели, шарахнул из пушки по одному из ускорителей, подобравшемуся наиболее близко. Слишком близко. Чужак опоздал, взрыв ускорителя накрыл его, а следом о его борт разбились два других прощальных подарка от Ччайкара Ихстла. Ослепительно белый, режущий глаза вихрь забушевал на месте корабля. Вряд ли чужак будет полностью разрушен, но мало не покажется.

– Так вам, подонки, – оскалился Шфлу.

– Гнусное дерьмо! – Ен Пиран затопал ногами, глядя на то, что осталось от двух прекрасных ГС-кораблей. – Погрязшие во грехе дармоеды, которые до сортира-то сами не дойдут, насрут по дороге! Какой недоумок поставил их командовать эсминцами?

Так и просилось на язык: «Это вы, господин адмирал», – но неоднократно ученый горьким опытом старший адъютант благоразумно промолчал.

Картина была ужасной. Старенький безоружный корабль, который казался легкой мишенью, в самый раз подходящей для обучения необстрелянных экипажей, сперва мотал нервы, петляя и сбивая стрелкам прицелы, успел высадить подавляющую часть людей, а потом смылся, практически уничтожив два дорогостоящих эсминца. Не в полном смысле слова уничтожил, хотя один из кораблей, «Желтый», пострадал серьезнее, но у обоих повреждены ГС-приводы. Все на

свете можно починить, вот только как отремонтировать ГС-привод, знают немногие цивилизации, и Гъде – к великому негодованию адмирала – в их почетном списке нет. Ремонт теперь откладывается до конца войны: координаторы Хан-та заявили, что их планета не будет технически поддерживать воюющие стороны, а все остальные, как и обычно, не станут идти поперек хантам. Значит, дерьмовых неудачников вместе с их прилюдно опущенными в дерьмо кораблями ждет жалкая участь каботажников, привязанных к Нлакису. И поделом! Адмирал испытывал бы мстительное удовлетворение, если бы не понимал, что это в его эскадре стало на два корабля меньше.

На экране от того места, где ушел в прыжок корабль шитанн, разлетались светлые точки – система наблюдения отслеживала спасательные капсулы по двигателям. Ен Пиран скрежетнул челюстью. Мерзопакостные кровососы и их прихлебатели заплатят ему за то, что сделали с его «Желтым» и «Красным»!

– Эй, вы там! – рявкнул он на капитанов с ушами, горящими после выволочки, так и стоявших навтыжку перед экранами связи. – Вытирайте понос со своих задниц и займитесь делом! Я хочу, чтобы никто из этих греховных ублюдков не спасся. Задача ясна?

– Так точно, господин адмирал, – пробормотали капитаны и с явным облегчением прервали связь.

С кораблей заработали ионные пушки. Светлые точки,

словно бутоны, стали распускаться в цветки и исчезать. Адмирал довольно кивнул, любуясь приятным зрелищем истребления противника.

– Господин адмирал, – из-за спины раздалось нерешительное покашливание Ихера Сима, – с вашего позволения, там...

Ен Пиран резко развернулся и тут же понял, о чем хотел доложить старший адъютант. Участок неба по правому борту заколебался, переливаясь всеми цветами радуги, радужные блики образовали многоцветное гало вокруг пронзительно-черной точки. Прокол пространства. Сюда направляется ГС-корабль.

– Чей? – скрипнул адмирал.

– Не могу знать, господин адмирал. Но не наш. Мы не получили предупреждения по обычным каналам.

Вот дерьмо! Неужели шитанн? Может, старый кораблик был всего лишь приманкой или разведкой? Теперь эскадра понесла потери, рассредоточилась...

– Эскадре – готовность номер один, – приказал адмирал. – Турболоазеры, ионные пушки – в боевой режим. Полную мощность на дефлекторы.

Радужный ореол угас, и в пространстве появился ГС-крейсер. С виду новый, хорошо вооруженный. Совсем рядом, даже виден рисунок на борту: три красных ромба, сходящихся углами к общему центру. Красные эмблемы характерны для райских кораблей, но не эта...

– С вашего позволения, господин адмирал, тип корабля опознан, – еще бы не опознать! Дерьмовые красные ромбы – отличительный знак землян, на всех военных кораблях его малюют. Вроде бы эмблема Земли – голубой глобус; почему ромбы? Не иначе, хотят запутать противника, считая его полным идиотом. – Это патрульный крейсер Земли, – продолжал докладывать адъютант. – Стандартное вооружение: турболазерных батарей – восемь, ионных пушек – четыре, термоядерных зарядов – два, малых ядерных зарядов – двенадцать...

– Да заткнись ты! – рявкнул Ен Пиран. Перечисление раздражало. Адмирал не хотел признаваться даже самому себе, что его тревожит превосходство земных крейсеров в вооружении. В конце концов, землянин тут один, а сил Гъде – целая эскадра, и итоговый перевес в другую сторону. Ему просто не нравилась, да – именно не нравилась привычка землян увешиваться оружием. Ну зачем нормальному кораблю восемь лазерных батарей? Четырех вполне бы хватило. И эти ядерные заряды... Почему земляне так привязаны к радиоактивному дерьму? Грязь и пакость.

На экране появилось новое окно, и в нем замигал значок вызова. Погрязшему в грехах землянину не терпится поговорить. С другой стороны, не шитанн – уже плюс.

– Принять вызов, – проворчал он.

Окно развернулось в изображение чужой рубки. Розовощекий мужчина, развалившийся в кресле, отрекомендовал-

ся:

– Капитан первого ранга Йозеф Гржельчик, – вот дерьмо, ну и имена у этих землян, хуже чем у шитанн. – С кем я разговариваю?

Он говорил по-хантски. Конечно, варвару не дано выучить сложный язык Гъде. Адмирала бесило, что для международного общения был выбран язык Ханта. Слишком уж много у этих хантов привилегий!

– Адмирал космических сил Гъде Ен Пиран, – буркнул он.

– Уймите своих молодцов, господин Пиран, – потребовал землянин. – Если они не прекратят обстреливать мирные спасательные капсулы, я их уничтожу.

– На каком основании вы здесь распоряжаетесь? – окрысился адмирал.

– Я в патруле, – невозмутимо ответил розовощекий хам. – Совершаю облет территории.

– Это не ваша территория, а сектор шитанн! – никто не сумеет понять, каких усилий стоило адмиралу удержаться от неприглядных эпитетов из соображений политкорректности.

– Так какого пениса вы торчите в секторе шитанн и мутите тут воду?

Адмирал прикрыл микрофон и покосился на адъютантов.

– Кто-нибудь может мне объяснить, что этот варвар имеет в виду? При чем здесь-то пенис? И где тут вода? На ближайшие шестнадцать лет вокруг воды вообще нет!

Старший адъютант беспомощно пожал плечами. Кто их знает, этих гнусных грешников? Думают только о сексе, что ни беседа с ними – то пенис или вагина.

– Я не обязан перед вами отчитываться, что тут делаю, – набычился адмирал. – У нас с дерьмовыми шитанн, – эх, все-таки вылетело, – свои дела, а вы не суйтесь!

– Знаете что, господин Пиран? Не орите на меня. *Мне* вы не адмирал, у меня свое начальство есть. А насчет того, чей это сектор, могу с вами поспорить. Граница между зоной ответственности Земли и зоной Шшерского Рая весьма условна и подвижна. Особенно во время войн и прочих кризисов. Вы меня поняли, господин Пиран?

– Смеее говорить со мной в таком тоне, господин Йозеф? – в ярости заорал Ен Пиран. – У меня здесь целая эскадра, а вы – тьфу, одиночка! Я ваш уродский крейсер разнесу на куски, одно дерьмо останется, размазанное по вакууму!

– Вообще-то Йозеф – мое личное имя, господин Пиран, – холодно заметил землянин. – Извольте обращаться ко мне «господин Гржельчик».

Нет, ну точно издевается!

– Хочу также напомнить, что Земля с Гьде не воюет. Пока, – капитан заострил внимание на этом слове. – Если вы хотите изменить статус-кво, вам достаточно произвести в моем направлении один-единственный выстрел. Вот тогда и узнаете, есть ли Бог на свете.

Больше всего адмиралу хотелось поступить именно так. Произвести в направлении мерзавца *Г-р-жель-чика* по меньшей мере десяток выстрелов. Но адмирала не за милый характер назначили адмиралом. Он прекрасно понимал, что развязывание войны с Землей правительство Гъде не одобрит. Фактически, за такой прокол можно и звания адмирала лишиться.

– А вы сами-то! – завопил Ен Пиран, захлебываясь от праведного негодования. – Это вы – провокатор! Вы угрожаете уничтожить мои корабли!

– Которым совершенно нечего делать в *нашем* секторе и уж тем более палить тут из пушек. Уверяю вас, ни одна комиссия координаторов не придерется: мы имеем полное право отстаивать наши интересы на нашей территории. А что до ее границ, световой год туда – световой год сюда, никто рулеткой мерить не будет.

Несколько секунд Йозеф Гржельчик и Ен Пиран играли в гляделки. Наконец адмирал сплюнул.

– Ладно, мы прекращаем обстрел. Если вы сразу же уберетесь отсюда. У вас большая территория, вот и продолжайте ее патрулировать в каком-нибудь другом месте.

Шитанн – само собой, глубоко погрязшая во грехе раса, но кое в чем они были правы. Почти двести лет Шшерский Рай возражал против приглашения Земли в Содружество Планет – или Созвездие, как его кратко называли. Земляне – агрессивный и грубый народ, твердили шитанн, не

имеющий почтения к закону и ненавидящий инопланетян. Вот дерьмо, и почему их в конце концов перестали слушать?

Адмирал не сказал розовощекому поганцу, что Пиран – его личное имя, и его следовало бы называть «господин Ен». Сперва не пришло в голову поправить землянина, а потом не успел вставить. И это было обиднее всего.

Спасенная девушка плакала все тише, потом вовсе замолчала.

– Оггина умирает, хирра? – спросил один из парней, стриженный так же, как она.

Шфлу не мог дать вразумительного ответа. Медицинские познания у него были весьма примитивные. К тому же он, возможно, и сам умирал. Священное безумие отступило, сменившись бессилием и апатией – плата за несколько минут всемогущества. Рана на спине болела при каждом движении. В ней торчал кусок разорванной взрывом стальной трубы. Шфлу строго-настрого запретил кетреййи вынимать его, а то они уже предлагали помощь. Железяка причиняет сильную боль, но если ее извлечь, он истечет кровью из разрезанных сосудов, которые она сейчас прижимает.

Больше всего Шфлу Арранцу хотелось, чтоб его не трогали. Но кетреййи без него не справятся. Отмахнуться от них – все равно что от детей.

Превозмогая себя, он встал и сделал два шага к распластанной на кресле Оггине. Девушку перевязали, вкололи

обезболивающее – об этом он распорядился сразу. Но обезболивающее действовало плохо. Оггина перестала плакать не потому, что боль уменьшилась, а потому что не осталось сил. Она еще дышала – неглубоко и прерывисто, но слишком ужасны были повреждения, слишком сильно пахла смертью обильная кровь. Жизнь постепенно уходила из серых глаз. Оггина умирала, а он ничем не мог помочь. Разве что ускорить ее переход на иной план бытия.

– Она умирает, – признал он.

Ему было стыдно. Кетрейи надеялись на него, а он подвел. Не смог сделать так, чтобы все было хорошо. Не смог выполнить обязательство, взятое расой шитанн в отношении партнеров.

– Помогите ей, хирра, – прошептал парень. – Дайте Оггине уснуть с миром.

– Твоя невеста? – понимающе спросил Шфлу.

– Да. Нет... Я считал ее невестой, но она пока не знала. Я хотел посвататься через год или два. Когда мы закончим службу в космосе...

– Скажи ей сейчас.

Парень опустил на корточки перед лежащей девушкой, нежно провел подушечками пальцев по бледной щеке.

– Оггина, я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. В радости и горе, до конца наших жизней, – последнюю ритуальную фразу он произнес нараспев.

Девушка молчала. Может, и слышала, но говорить уже не

могла, дышала и то едва. Парень несколько секунд пристально всматривался в ее лицо, поцеловал в губы и отошел.

Шфлу согнулся, едва не застонав от боли в спине, наклонился к белой, как бумага, шее. На миг его глаза встретились со взглядом обреченной Оггины, и он прочел в нем мольбу о конце страданий. Кровь умирающей была горькой, утраченной вкус жизни, но Шфлу пил, пока биение пульса не прекратилось совсем. На мертвом лице застыла последняя улыбка: слюна шитанн, попадая в кровь, дарит блаженство.

Эйза тихо всхлипывала.

– Спасибо, хирра, – сдавленно произнес парень.

– Шфлу Арранц, – ему надоело безликое «хирра». Он вытер губы рукавом и, сняв сайртак, прикрыл обескровленную Оггину.

– Асст Селдхреди, – представился кетрейи в ответ.

– Анцелл Селдхреди, – назвал его товарищ, тоже стриженный под «ежик».

– Стейрр Фййк, – пробубнил самый старший, темнокожий парень с ворохом тонких золотистых косичек. Если Шфлу что-то помнил о клане Фййк, то этих косичек сорок восемь.

Эйза вдруг вскрикнула, и было отчего: комок раскаленной плазмы пролетел в непосредственной близости от капсулы, чуть не задев. Шфлу вскочил – слишком резко, тело пронзила боль, и в глазах на миг потемнело. Он бы рухнул прямо на торчащий в спине обломок, если бы двое Селдхреди не поддержали его с обеих сторон.

Еще один комок – беззвучно, но от того не менее страшно – пролетел мимо.

– Они обстреливают нас!

Они ведь уничтожили «Райскую звезду», чего им еще надо? Стрелять по спасательным капсулам – это... просто непорядочно! Тем не менее именно это и происходило. Одна из капсул, видных на экране обзора, взорвалась от прямого попадания.

Шфлу, стиснув зубы и не обращая внимания на боль, забрался в кресло. Как они видят, куда целиться? Спасательные капсулы крошечные, несколько километров – и их не видать. Шфлу осенило: двигатель! Проклятые чужаки наводят по излучению двигателей. Он дотянулся до рычага тяги, переместил его вниз до упора.

Больше выстрелов в их сторону не было. Капсулу с неактивным двигателем потеряли. Но чудовищное истребление вокруг продолжалось. Ближний космос был насыщен плазмой, то и дело спасательные капсулы, не успев увернуться, вспыхивали маленькими рваными звездочками. Как выбраться из этого ада? И куда? Запас хода у капсулы небольшой, это же не настоящий корабль. К планете? Но там нет ни воздуха, ни воды, а, единожды подойдя к планете, покинуть ее поле тяготения уже непросто. К тому же имелось у Шфлу смутное пока еще подозрение, что два чужих корабля здесь не единственные, а главная их база – как раз там, у планеты или на ее поверхности. Кем бы ни были чужаки, брать плен-

ных они явно не собираются.

– Радуга, – произнесла Эйзза удивленно и слегка восторженно.

На небе переливалась радуга. Концентрические многоцветные круги пульсировали вокруг черного центра. Откуда в космосе радуга? Шфлу никогда еще не видел столь феерического зрелища. Восхищение его нереальной красотой не мешало ему искать возможные причины необычного явления и... не находить.

В центре радужного сияния возник корабль. Это был космический корабль со странными очертаниями, в чем-то сходными с профилем тех кораблей, которые хладнокровно расстреливали спасавшихся, но в ином отличными. Прекрасный переливающийся ореол поплескался по бокам корабля и исчез.

Без сомнения, этот корабль и те два отличались. Корабли примерно одного назначения, но с разной базовой конструкцией. Любой планетный флот предпочитает оснащение одной базой: чем меньше разных стандартов, тем проще ремонт. А значит, появившийся корабль принадлежит другому миру.

Шфлу увидел в этом шанс. Вновь надавив кнопку поджига и выжав ускорение до упора, он заставил спасательную капсулу мчаться к кораблю что было сил, сжигая сопла. Нырнув за его громаду, прикрывшую капсулу от ужасных пушек чужаков, он дрожащей рукой включил передатчик. На таком

расстоянии они не смогут не услышать международный сигнал бедствия в широком диапазоне!

Шанс оказался выигранным. В динамике зашуршало, и искаженный голос спросил по-хантски:

– Кто такие?

Шфлу сглотнул.

– Спасательная капсула с «Райской звезды», экспедиционного корабля Шшерского Рая. Наш корабль уничтожен, мы едва вырвались, а нас...

– Не части, – оборвал голос. – Передавай нам управление, сами по лучу поведем, а то еще стыковочный люк нам испортишь.

Голос обращался на «ты», словно к приятелю или представителю младшей расы, но Шфлу не стал заострять на этом внимание. Может, в родном языке говорящего нет другого обращения. А если даже есть, не пререкайся же с тем, кто тебя спасает!

Корабль медленно приближался. Вот стали ясно различимы орудийные модули – как же их много! На борту, словно красный цветок, распустилась странная пиктограмма: три ромба, связанных одной точкой. В Раю красные пиктограммы призваны отражать названия кораблей; какое-то время Шфлу гадал, что же символизируют эти ромбы и как мог бы называться этот корабль. А вот и швы обшивки сделались видны. Капсула мягко пришвартовалась к люку характерной формы на теле корабля – самому Шфлу ни за что не удалось

бы сделать это так точно и плавно. И тут же пропала тишина вакуума: снаружи послышались шаги, заскрипело, кто-то, судя по интонации, выругался на неизвестном языке. Шфлу выбрался из кресла, шагнул к люку и столкнулся нос к носу с чернокожим мужчиной, вскрывшим люк с той стороны.

У мужчины были короткие черные кудри, толстые губы, а меж ними – зубы ослепительной белизны. Что за раса такая, удивился было Шфлу, но тут взгляд его сполз ниже, и внутри все упало. Его верхняя одежда была отчасти похожа на сайртак с рукавами, но короче и плотнее, на плече – нашивка с голубой эмблемой, а в треугольном вырезе псевдосайртака висел на цепочке золотой крест. Сотня червей могильных! Шфлу занесло к землянам, притом к худшей их разновидности, метящей себя крестом.

– Чего застыл, кровосос? – сверкнул зубами землянин. – Заходи. Не ссы, не укусим, – и ухмыльнулся.

Новый дворец эмира возвышался над всеми постройками Абу-Даби. Тонированное стекло, художественная облицовка. Взлетающие линии силуэта с загадочными изгибами. Сверкающие золотом балконы на головокружительной высоте, выдвижные вертолетные площадки. Удивительная ночная подсветка, создающая впечатление, будто дворец парит в воздухе по воле невидимых джиннов. А на крыше, устеленной квадратами высокоэффективных солнечных батарей, обеспечивающих энергией весь дворец, сияют крас-

ные огни, чтобы пилот летательного аппарата вовремя заметил и обогнул величественное здание.

Внутри еще роскошнее. Громадные залы с колоннами и орнаментами, креслами из натуральной кожи и голографическими подиумами размером с театральную сцену. Кабинеты с идеальной звукоизоляцией, автономным кондиционированием и последними чудесами оргтехники. Полы, утопающие в ярких коврах. Драгоценные вазы, аквариумы с диковинными рыбами, композиции из живых цветов, инопланетные диковины...

Советники, секретари, референты, курьеры, прислуга...

Изящная невысокая женщина в дорогом бежевом брючном костюме со свободным струящимся силуэтом проворно выпрыгнула из вертолета, не став опираться на руку телохранителя. Подойдя к балюстраде, которая ограждала площадку, находящуюся на огромной высоте, полюбовалась на панораму города, чуть подернутую дымкой. Столица расстилась как на ладони, радуя зрение. Современные отели, офисы, школы перемежались зелеными парками, древние дворцы и великолепные мечети соседствовали с комфортабельными жилыми домами. Глубокие темные глаза слегка сощурились, и проявилась слабая паутинка тонких морщинок в уголках глаз. Горячий верховой ветер сдул на затылок светло-оливковый головной платок, и женщина засмеялась.

Подошел начальник охраны, ненавязчиво остановился рядом в ожидании. Женщина вопросительно обернулась к

нему.

– Все в порядке, Салима ханум.

Она улыбнулась и кивнула. Двое охранников первыми вошли в большой лифт с зеркальными стенами, она последовала за ними. На панели загорелся индикатор «23», двери лифта раздвинулись. Изящные туфли зашелестели по узорчатому ковру.

Она ни у кого не спрашивала дорогу. Новый дворец эмира строили под ее руководством. Кое о каких его секретах не знал даже сам эмир.

Золоченая ручка двери повернулась под ее узкой ладонью с бледным маникюром. Ковер в комнате сменил расцветку с зеленых тонов на желтые, на стенах золотился новый узор обоев. Из кресла за овальным столом, отодвинув ноутбук, поднялся мужчина в белом, всплеснул руками:

– Салима, свет моих очей! Неужели так трудно предупредить о своем приезде?

Мужчина был молод, не старше сорока, в полном расцвете. Чернокудрый, черноусый красавец, немного полноватый, но не от излишеств или болезни, а от здоровой, спокойной, уверенной жизни.

Они коротко обнялись, и Салима насмешливо изогнула бровь:

– Разве это не мой дом, Фейсал? Я не гостья, чтобы дожидаться приглашения, и не королева чужой страны, чтобы заявлять об официальном визите.

– Ты больше, чем королева! – с упреком воскликнул Фейсал. – А ведешь себя, как девочка.

Она грустно улыбнулась. Фейсал так и не понял, что казаться девочкой порой выгодно. Она была пятнадцатилетней девочкой, когда объявила себя регентом при младенце-брате, и сумела воспользоваться абсолютно всеми преимуществами своего положения, о большинстве которых никто и не подозревал. Увы, в заботах о том, как поднять из руин страну и удержать мальчика на шатком троне, она совершила ошибку, не занявшись развитием его ума. Не до того было, честно говоря. Нет, Фейсал не вырос тупым: кровь многих поколений эмиров была сильна, наследственность парню досталась хорошая. Но правителю требуется немного больше, чем обычному успешному гражданину. Салима, вовремя спохватившись, окружила брата умными и проницательными советниками, и у него, слава Всемилоостивейшему, обычно хватало соображения к ним прислушиваться. Он прослыл неплохим правителем, народ доволен, в регионе тихо и благостно, в сопредельных странах уважают. Беда в одном: брат искренне считал себя умнее сестры.

Он всегда ее критиковал. В детстве – за то, что жизнь малолетнего эмира на попечении Салимы почему-то непохожа на древние сказки. В отрочестве – за то, что не торопится выйти замуж и оставить ему власть, которой распоряжается неправильно: постоянно общается с чужими мужчинами, все больше с иностранцами, вечно ставит себя в смешное поло-

жение. В юности – что вышла замуж не за того, что женила его не на той, что слишком часто мелькает в интернете. Теперь вот...

Она не обижалась. Брат ее любил, как мог. Переживал за нее. Ему хотелось, чтобы у нее все было хорошо, все как у людей: преуспевающий муж-кормилец, дети, дом и никаких больше забот. Порой, когда бывало совсем тяжело, ей и самой этого хотелось. Но минуты малодушия уходили, а заботы – вовсе не те, что подобают приличной женщине – требовали внимания.

Винить Фейсала бессмысленно. У него перед глазами не было примера отца, он не соревновался с братьями, не знал материнской ласки, образ матери в его душе был безлик и расплывчат. У него имелась лишь сестра, которая всегда была занята какими-то неотложными делами. Салима усмехнулась про себя: что вырастила, тому и радуйся. Она извлекла урок и не повторила ту же ошибку с собственными сыновьями – уже хорошо.

– Салима, – укоризненно проговорил брат, – когда ты влезаешь без предупреждения, то можешь застать меня спящим, или, скажем, в ванной, или, – он сделал паузу, – с женщиной.

Она мысленно фыркнула и пропела:

– Ни за что не поверю, милый братец, будто твоя охрана столь некомпетентна, чтобы не засечь мой вертолет еще над проливом. У тебя вполне хватило бы времени утомить жен-

щину и в полтора раза моложе, чем твоя младшая жена.

Фейсал довольно улыбнулся. Утомлять женщин он действительно умел и гордился этим. Качество, безусловно, полезное для эмира, которому нужны сыновья, но – Салима украдкой вздохнула – все-таки не самое важное.

Подали чай, и брат с сестрой переместились на диван у чайного столика. На парчовой скатерти живописно расположились фарфоровые чашечки, блюда с пахлавой и рахат-лукумом, несколько заварных чайничков, истекающих душистым паром. Диван находился у окна. Бронированное стекло было нереально чистым и прозрачным, а за ним – небо, такое же чистое, не тронутое дымом.

Без малого сорок лет назад, когда девочка с маленьким братом на руках ступила с корабля на родную землю, небо было черным и горячим. Горела нефть. Скважины в пустыне, добывающие платформы на шельфе. Никто не знал, почему так вышло, но домыслы были у каждой клики свои. Винили американцев: исчерпали собственные запасы нефти и из зависти подожгли чужие. Нелогично: они скорее попытались бы захватить в целости и сохранности еще действующие скважины. Запалить бессмысленный пожар – ни нашим, ни вашим – это больше в стиле русских. Их тоже обвиняли: мол, аравийская нефть конкурирует с сибирской, и сибиряки решили избавиться от конкуренции. Опять странно: гибель аравийской нефти лишь ускорила крушение бензиново-асфальтового мира, которое с не меньшей силой удари-

ло и по Сибири. Другие кричали, что виновата Европа, настроенная против арабов; иные кивали в сторону Центральной Африки, которая якобы спровоцировала кризис на полуострове, чтобы отвлечь внимание общественности от собственных внутренних конфликтов. Не обвиняли разве что Антарктиду.

А кое-кто голосил, что виноват эмир. Его клан, стоящий у власти, допустил такое. Он продался Америке – нет, России – да что там, Европе. Он думает только о себе и не в состоянии защитить страну, он попустительствует поджигателям... Салима не считала, что обвинения в адрес отца обоснованы. Всего лишь повод, которым воспользовались другие кланы, чтобы в чаду и огне схватиться за власть. Были ли они сами поджигателями, его противники, превратившиеся в кровных врагов? Вероятнее всего, нет. Кто же подносит фитиль к пороховой бочке, на которой сидит?

Клан ан-Найян был уничтожен полностью. Почти. Расправы избежала девчонка – пятая дочь эмира, обучавшаяся в Англии в закрытом пансионе, – и ее мать, одна из его жен, в конце беременности поехавшая навестить Салиму. На них просто махнули рукой. Какая угроза власти может исходить от двух женщин?

Кошмарное известие убило мать. Фейсал родился раньше срока, а ее спасти не успели. Тогда еще у них были деньги – остатки нефтедолларов, но счет шел не на доллары, а на минуты.

Девочка с ребенком, оставшаяся без средств, должна была раствориться. Самое вероятное – осесть в одном из сиротских приютов, откуда оба вышли бы в свой срок с простенькими крестами на шее и с типичными английскими именами – Кэти и Боб Смит, или что-то в этом духе. Самое лучшее – стать приживалкой при одной из своих обеспеченных подруг, будущих леди. Отец Оливии, проникшийся сочувствием к любимой подруге дочки, хотел предложить ей именно это. Но разговор повернулся совсем не так, как он ожидал.

Корабль, с которого спустя полгода Салима сошла в порту Абу-Даби, придерживая молочную бутылочку у ротика пока некоронованного младенца, был авианесущим крейсером. Разумеется, под флагом Эмиратов и с полностью арабской командой. Девочка с самого начала не допускала глупых просчетов.

Салима отломил кусочек пахлавы.

– Рассказывай, свет моих очей. Какие проблемы в регионе?

Есть правители и поумнее Фейсала, но именно он – верховный эмир. Более того, Фейсал ибн-Фахим ан-Найян – глава арабского региона. Злые языки твердят: только благодаря сестре. Они правы, ну и что? Ей так удобнее, а значит, так все и останется.

Капитан Гржелчик с мукой на лице посмотрел на милую белокожую блондиночку. Сумеречница из клана Их-

стл, это он уже узнал, и этим исчерпывались почти все его успехи. При том, что девочка оказалась самой толковой из всех этих светловолосиков, сопровождавших вампира. Она сносно говорила по-хантски – более связно, чем прочие, – и пыталась заговаривать сама на волнующую ее тему: что будет с ее господином. Йозеф заглянул в прекрасные глаза, не отягощенные интеллектом, и вздохнул, вспомнив оставшуюся на Земле дочку. Тоже красавица-блондинка, и мозгов примерно столько же – мечта какого-нибудь старого ловеласа, но ведь сперва еще школу надо закончить. А девчонка-кетрейи, пожалуй, продвинутее Хелены: дочка не то что хантским, родным-то языком с горем пополам владеет. Так что нечего сердиться.

– Эйцца, объясни мне еще раз, откуда и куда вы шли.

– Мы шли из Рая, господин Гржельчик, – бодро начала девушка, – на большом корабле. Много-много человек. Все было хорошо, а потом вдруг стало плохо, – она подумала и осчастливила Йозефа поразительным умозаключением: – В нас стреляли плохие люди.

Капитан Гржельчик призвал все свое терпение:

– Куда вы направлялись?

На очаровательном личике отразилась напряженная работа мысли.

– В космос, господин Гржельчик.

Гржельчику захотелось запустить в стену чем-нибудь тяжелым. По меньшей мере. А в идеале – шарахнуть из всех

лазерных батарей по залетному нарушителю границ земной территории. Но нарушителей что-то не было видно, и он просто выругался, длинно, витиевато и от души, остановившись лишь тогда, когда увидел, что девушка смотрит на него огромными и слегка напуганными глазами.

– Эйзза?

– Как прикажете, господин Гржельчик, – проговорила она неуверенно, не отрывая глаз. – А может, не надо?

Йозеф не сразу понял, что она имеет в виду. А когда понял, ему стало стыдно. Она восприняла его ругань буквально, хуже того – на свой счет, и еще ужаснее – почти не возражает. Он мысленно прокрутил свой монолог, в основном представляющий собой перечисление сексуальных извращений, и, побагровев, выдавил:

– Эйзза, это я не тебе.

Она непонимающе оглянулась.

– А кому?

Капитан решил замять вопрос.

– Послушай меня внимательно, девочка. Мне интересно, куда вы шли. Что вы собирались делать?

Беспомощные голубые глаза.

– Я не знаю, господин Гржельчик.

Гржельчик опустил лицо в ладони и надолго замолчал.

– Оггина умерла, – сказала Эйзза.

Девушка считала это важным. Но Йозефа – Бог простит – не интересовала Оггина. С ней все было ясно: та, вторая

девушка, тело которой обнаружили в капсуле. Получила при эвакуации тяжелые ранения, вот и умерла. Грустно, но обычное дело.

– Господин Шфлу, – вспомнила Эйза. – Спасите его, господин Гржельчик. Он все знает. Он – шитанн.

Йозеф горько усмехнулся. А то он не отличит шитанн от кетрейи. Он собирался поговорить с вампиром в первую очередь, но в спине у того торчал осколок металла, и, когда капитан спохватился, пациент был уже на операционном столе.

– Жить будет? – спросил он у докторши.

Клара сняла перчатки, кинула их в ведро и стащила с головы стерильный чепчик. Рыжие волосы колечками рассыпались по плечам.

– Откуда я знаю? – она устало вынула сигарету из пачки, но не зажгла, не решаясь закурить при капитане. – Он же не землянин. Я не понимаю, почему он вообще был жив и двигался, с такой-то раной.

– Может, вампиры и вправду так живучи, как говорится в сказках? – предположил Йозеф.

Клара дернула плечом.

– Странная раса. Столь жизнеспособная и одновременно столь уязвимая... Как вы думаете, могу я включить кварцевую лампу, или он загнется от ультрафиолета?

Капитан бросил взгляд на смуглую кожу спасенного.

– Вроде бы он из дневного клана. Но лучше не рискуй.

Прикрой его чем-нибудь, прежде чем кварцевать тут.

Сейчас шел уже третий день с тех пор, как они подобрали беглецов с райского корабля. Но ясности так и не прибавилось. В первые сутки раненый чуть не умер: в ходе операции потерял много крови, а докторша и не сообразила вовремя.

– Пусти к нему кетреййи, – посоветовал Гржельчик.

– Еще чего! – вскинулась она. – Посетители ему ни к чему, все равно без сознания. Только микробов притащат, да еще, чего доброго, уронят капельницу.

Йозеф цокнул языком.

– Не уронят, если велишь тихо сидеть. Они послушные. Вскрой им вены аккуратненько, пусть будут рядом и поят вампира.

Клара непроизвольно скорчила гримасу.

– Капитан, это отвратительно!

Он издал смешок.

– Ты же медик, Клара. То в чужих кишках ковыряешься, то гнойники вычищаешь. Неужели это менее отвратительно?

– Это – моя работа, – докторша поджала губы. – А то, о чем вы говорите, противно природе.

– И что? – Йозеф начал закипать. – Пусть вампир сдохнет? Он мне нужен, Клара. Я хочу знать, что, черт возьми, тут творилось, а от кетреййи ничего не добиться. Кроме того, раз уж мы подобрали вампира и помогли ему, довольно глупо его уморить лишь из-за того, что тебе противен вид крови, которую пьют!

– Вы думаете только о вампире, – с упреком сказала медичка. – А вам не жалко кетрейи? Они тоже живые люди.

– Несомненно, – отрезал он. – И смысл их жизни в том, чтобы служить ходячими бурдюками с кровью для шитанн. Девчонку оставь, и так уж больно бледненькая, а эти трое молодцов чтоб через пять минут были в палате у кровососа! Не хочешь возиться с ними, так хотя бы не мешай им исполнить свой долг, как они его понимают.

Можно подумать, ему, Йозефу, это нравится! А мало ли что не нравится. Человеческая физиология вообще довольно гадкая. Найдись где-нибудь разумная раса растений, они в обморок бы попадали от отвращения при созерцании одного только процесса еды, не говоря уж о противоположном. Ну и что теперь, вовсе не жить?

Он побился с Кларой об заклад, и она проиграла. Кетрейи, едва их пустили к раненому, тут же сообразили, что нужно делать. Вполне грамотно – даром что во всем остальном болваны – разрезали себе запястья и установили очередь: кто за кем. Йозефу досталась бутылка медицинского спирта. Теперь бутылка стояла в сейфе капитана. И периодически его мысли возвращались к ней. Если уж под рукой нет вражеского корабля, чтобы расстрелять его из всех орудий, так хоть спирта глотнуть для расслабления. Пусть это и противно, как выражается докторша, природе.

– Ччайкар, – осмысленно произнесла Эйзза, и Йозеф, вынырнув из дум в реальность, уцепился:

– Что это за зверь такой?

Девушка изумленно уставилась на него:

– Господин Ччайкар – не зверь. Он – шитанн. Я в его клане, господин Гржельчик.

Ага. Таинственный Ччайкар – сумеречник. И что нам это дает? А ничего. Милка милуется, Ленка ленится, что в таком разе должен делать Ччайкар? Чай заваривать, не иначе.

– Девочка, где сейчас этот Ччайкар? – задал он наводящий вопрос.

– Я не знаю, – прошептала она. – Не знаю, – и вдруг залилась слезами.

Йозеф схватился за голову. Нет, положительно надо выпить!

Эйза была умной. Для кетрейи, конечно. Это хирра Ччайкар впервые назвал ее умницей. Выудил своей жилистой рукой из стайки играющих детей, рассмотрел придирчиво ее саму – маленькую замарашку, замотанную шарфом по самые уши, – и ее снежные куличики, которые она догадалась поливать водой, чтоб не разваливались. А потом сказал, что возьмет ее с собой в космос, если она сумеет выучить хантский. Он пропал на несколько лет, и она почти забыла пожилого шитанн. Его цепкий взгляд немного испугал ее, и ей не очень-то хотелось в какой-то непонятный космос, но ее стали учить хантскому. В следующий раз она увидела его в день своей инициации. Она стала из ребенка юной девушкой, а он совсем не изменился. Мама сказала, что ей повезло.

Хирра Ччайкар – один из самых уважаемых шитанн в клане, но инициации проводит очень редко. Он что-то спросил ее по-хантски, и она ответила, и вроде бы впопад. Он засмеялся, сильно прижал ее к жесткой груди, поднял ей подбородок и впился в горло. В первый раз было страшно. Эйзза боялась и укуса, и того, что долго не продержится: на инициации пьют кровь до потери сознания, и если сомлеешь слишком быстро, тебя сочтут либо недостаточно взрослой – стыдно, но через пару лет будет новый шанс, – либо бесполезной, а это уже на всю жизнь. Все прошло хорошо, Эйзза продолжала учиться. Через три года хирра Ччайкар появился снова и велел прощаться с семьей: ее ждет космос. И снова она боялась совершенно зря. Ей понравилось в космосе. Приятная, необременительная работа, удивительные чужие миры. А теперь... Что же теперь?

Кроме них, спасшихся не было. Земляне опоздали: все остальные капсулы были сбиты, «Райская звезда» исчезла. Эйзза долго думала и наконец поняла: капитан Ччайкар погиб. А если случилось чудо, и он жив, то еще хуже. Он неизвестно где, а она, обязанная ему судьбой, ничем не может помочь.

Шфлу Арранц открыл глаза. На него неодобрительно смотрела рыжая женщина, щупая пульс. То ли пульс ей не нравился, то ли сам Шфлу – он так и не понял. Лично ему женщина скорее понравилась. Огненные колечки волос

очень подходили к зеленым, как у горных уррхов, глазам. Даже хмурая гримаска ей шла. Белое одеяние с пуговицами туго обтягивало две соблазнительные выпуклости. Женщина потрогала ему лоб удивительно холодной ладонью и наклонилась; выпуклости оказались как раз перед его взором...

Удовольствие будто отрезало. В ложбинке меж выпуклостей, только что выглядевших так замечательно, притаился тонкий золотой крестик на цепочке. Шфлу пробил холодный пот, и он вспомнил. Нападение, бегство в капсуле, чужой корабль, поманивший шансом на спасение. Земляне. Он застыл.

– Встать можете? – осведомилась женщина по-хантски. – Капитан желает с вами поговорить.

А желаю ли я говорить с капитаном, задался вопросом бывший научный руководитель бывшей экспедиции. То-то и оно. Но капитан на этом корабле хозяин, а он – в лучшем случае гость. Совершенно ясно, чьи желания имеют приоритет.

Он оторвал голову от подушки и осторожно сел на кровати. В спине ныл очаг тупой боли заживления – неприятно, но нормально. В глазах, против ожиданий, не темнело – значит, крови хватает. Выходит, они позволили... Шфлу заметил одного из кетрейи, стриженного Анцелла, сидящего на стуле с перевязанной рукой. Тот улыбнулся и ободряюще помахал ему.

Шфлу почувствовал себя увереннее. Непохоже, чтобы

земляне хотели его убить. У них были для этого все возможности, которые они не использовали. Наоборот, поставили его на ноги. Ноги держали не очень твердо, но, в конце концов, прошло всего...

– Сколько я здесь? – спросил он у рыжей докторши.

– Три дня.

Я зачем-то им нужен, понял Шфлу. Хотелось бы надеяться, что не для опытов... Анцелл помог ему облачиться в длинную бесформенную хламиду без застежек и подпоясаться.

– А где остальные? – забеспокоился он. – Где Эйза? Ее не обижают?

– Кто ж ее обидит, кроме вас? – докторша хмыкнула. – С ней все хорошо.

Капитан был обманчиво похож на кетрейи. Светлые, с легкой желтизной волосы, стриженные самую малость не так, как у Анцелла или Асста Селдхреди, серые глаза. Полнокровный розовый румянец на щеках заставил ноздри затрепетать. Запах здоровой, насыщенной гемоглобином крови, сочащийся сквозь поры, был упоителен. Смог бы он сейчас сдержаться, если бы не Анцелл и его товарищи? Проклятые земляне! Ну как можно быть такими... такими...

– Нечего на меня пялиться, как старый гомосексуалист на смазливом подростка, – буркнул землянин. – Йозеф Гржелчик, капитан первого ранга, командир ГС-крейсера «Ийон Тихий». С Земли, как вы, несомненно, уже поняли.

Что значит «ГС-крейсер»? Шфлу казалось, что он знал о ГС-кораблях. Скорее сооружения с внешним пультом, чем настоящие корабли. «ГС» – гиперсветовые. Они могут перенести груз в любую точку Галактики почти мгновенно. Но в процессе переноса груз теряет структуру. Что-то связанное с принципом неопределенности: при такой скорости переноса локализация не может быть абсолютно точной. Таким способом можно переносить, скажем, железо или полиэтилен, но не станки и не одежду. И уж не людей, само собой. ГС-крейсер – что за бред?

Шфлу решил отложить этот вопрос на потом. Может, капитан просто неправильно выразился по-хантски. Он сглотнул предательскую слюну и представился:

– Шфлу Арранц с Шшерского Рая.

– Сядьте, – землянин указал подбородком на кресло, а затем – на два стакана и бутылку на столе. – Спирт?

Шфлу аккуратно, чтобы не тревожить больную спину, сел и не менее аккуратно поинтересовался:

– Простите, что – спирт?

Капитан посмотрел на него, как на идиота.

– Пить будете?

Шфлу поперхнулся.

– Я... вы... Капитан, пьющие спирт поступают противостоестественно!

– Да? – Гржельчик сощурился. – Не так давно мне говорили то же самое о пьющих кровь.

Шитанн захлопнул рот. Сотня червей могильных, надо следить за словами! Хотя бы из благодарности за то, что земляне заштопали его, а не проткнули колом.

– Ладно, забыли, – капитан отодвинул бутылку в сторону. – Рассказывайте. Из какой такой вагины вы вывалились?

Шфлу опешил.

– Э... вы хотите знать, кто моя мать? – уточнил он осторожно.

Землянин произнес несколько эмоциональных слов на родном языке, с явной тоской глядя на бутылку. Шитанн даже не представлял, как повезло его психике, что он не слышит этих слов в переводе. Они касались как раз его матери.

– Я хочу знать, кто вы такие, куда шли, зачем и на чем, – высказался наконец капитан предельно ясно. – Где ваш корабль? Кто им командовал? И какого... какого... – он не мог подобрать слово. – Какого растения с толстым горьким корнем вы сунулись к Нлакису в одиночку?

– Нлакис? – переспросил Шфлу.

– Он же Новое Эльдorado, он же Фрукт Раздора, – помог капитан. – Он же, если вы предпочитаете цифры, А46-2818-1.

Вот оно как. Пока они двигались к планете, она успела обрести название, да не одно. То, в котором упоминался раздор, не понравилось Шфлу.

Он вздохнул и начал:

– Я – научный руководитель экспедиции Шшерского Рая

к А46-2818-1... к Нлакису, как вы его называете. Экспедиция стартовала шестнадцать лет назад на корабле «Райская звезда», капитан Ччайкар Ихстл. Она была сочтена целесообразной, потому что наши ученые выдвинули предположение, что А46... Нлакис богат траинитом, об этом говорили спектры... Если вы не знаете, траинит – очень ценный и красивый камень, прекрасный материал для украшения зданий и ландшафтов...

Гржельчик засмеялся. Шитанн вопросительно поднял бровь, но он сделал знак продолжать.

Ну и ну! Материал для ландшафтного дизайна, надо же! Так думали всего шестнадцать лет назад. Кому из сослуживцев рассказать – не поверят. Йозеф выслушал вампира с интересом. Живой носитель менталитета той эры, когда скорость света была для человека непреодолимым препятствием. Как он удивился, что в окрестностях Нлакиса оказались корабли, о которых он не знал! А райский капитан – молодец. Ччайкар Ихстл, вот и девчонка о нем упоминала, а он не понял. Это же надо: на неуклюжем гражданском судне столько времени лавировать, уходя от обстрела, а под конец уделать ГС-приводы двум кораблям засранца Ена Пирана и свалить в неизвестном направлении! Положительно, Йозеф хотел бы познакомиться с этим Ччайкаром, даром что тот – сумеречник...

– Разрешите прояснить мой статус, капитан, – голос вампира деликатно нарушил его задумчивость. – Я пленник?

– Что? А... Разумеется, нет. Какой смысл? Как только мы встретим какую-нибудь лоханку из вашего Рая, тут же передадим вас соотечественникам.

– А девушка? Эйза? И другие кетрейи? Они действительно в порядке?

Капитан пожал плечами.

– Парни с бойцами. Ребята выцыганили у интенданта ящик красного вина под предлогом, что гостям надо восстанавливать гемоглобин, так что им там весело. Девчонка либо при них, либо на камбузе. Не волнуйтесь, никто не причинит ей вреда. Мы не пираты и не находимся в состоянии войны с Шшерским Раем.

Землянам никогда и не требовалось объявление войны, чтобы ненавидеть шитанн, мысленно не согласился Шфлу. Но Гржельчик смотрел на него без ненависти. Даже с толикой сочувствия.

Капитан заложил руки за голову, потянулся, хрустнув косточками, и снова опустил тяжелые локти на стол.

– Вам надо кое-что узнать, шитанн. Те шестнадцать лет, что вы ползли к Нлакису, мир не стоял на месте. Вы вынырнули из прыжка очень неудачно. У Шшерского Рая сейчас большие проблемы. Военный конфликт с Гьде. Нлакис блокирован эскадрой адмирала Ена Пирана.

– Конфликт с Гьде? – Шфлу невольно подался вперед.

Он бы поверил в конфликт с Землей. Это естественно: ближайшим соседям всегда есть из-за чего разругаться. Тем

более что отношения натянуты уже добрую тысячу лет, с первой экспедиции Рая на Землю. Он бы понял, если бы проблемы возникли с Тсетой: всего семь световых лет от Рая, общая граница секторов. С Хантом – туда-сюда; далековато, конечно, но ханты вечно во все вмешиваются. Однако с Гьде?

– Да что нам с ними делить-то? – вырвалось у Шфлу.

Гржельчик усмехнулся:

– Нлакис, конечно. И тот траинит, что на Нлакисе.

– Немыслимо! – воскликнул Шфлу. – Нереально! От Гьде до Нлакиса – сорок пять световых лет!

– Сорок четыре, – поправил землянин.

– Какая разница? Сорок четыре туда, сорок четыре обратно – три поколения сменится, пока они съездят за траинитом. Это... это... нерентабельно!

Капитан покачал головой.

– Вы просто ничего не знаете. Во-первых, дорога займет не сорок четыре года, а несколько часов. А во-вторых, когда речь идет о траините, о слове «нерентабельно» можно забыть. Слушайте меня, шитанн, и не перебивайте.

Шфлу, намеревавшийся бурно возразить, прикусил язык.

– Термин «гиперсветовые корабли» появился еще в вашу эпоху, но означал он совсем не то, что теперь. Принцип неопределенности, верно? На входе – отдельные слитки золота, на выходе – единая золотая масса. Теперь такие штуки зовут грузовыми порталами.

Шфлу молча кивнул. Порталы так порталы. Что дальше?

– Принципиальная схема настоящего ГС-корабля была предложена на третий год вашего «путешествия». Ее создал какой-то псих с Тсеты. Еще через год психи с Ханта построили первый корабль. Он вошел в подпространство рядом с Хантом и вышел в окрестностях Тсеты. Между входом и выходом прошло около получаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.